

Karl Abraham

ÄUSSERUNGSFORMEN DES WEIBLICHEN
KASTRATIONSKOMPLEXES

Карл Абрахам

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕНСКОГО
КОМПЛЕКСА КАСТРАЦИИ

Перевод с немецкого

УДК 159.9:616
ББК 88.481
А164

Серия «Архив сексуальности»

Научные редакторы
С.Ф. Сироткин, И.Н. Чиркова

Перевод с немецкого
М.М. Бочкаревой

Абрахам, К.

А164 Формы выражения женского комплекса кастрации
[тест] / Карл Абрахам : пер. с нем. — Ижевск : ERGO,
2011. — 60 с.

ISBN 978-5-98904-106-0

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© ООО Издательский дом «ERGO», 2011

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Карл Абрахам (1877–1925) — один из пионеров психоанализа, председатель Берлинского психоаналитического объединения с момента его организации, президент Международного психоаналитического объединения, ученик и соратник З. Фрейда. К. Абрахам — тонкий клиницист, разносторонний исследователь, крупный теоретик. Его исследования, посвященные характеру, развитию объектных отношений, клинической феноменологии шизофрении и истерии стали основополагающими в психоаналитической теории.

Существенным вкладом К. Абрахама является также разработка им вопросов, связанных с проблемами женщин. Публикуемый ниже текст представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного на VI Международном психоаналитическом конгрессе в Гааге. Впервые в форме статьи он был опубликован в 1921 году в Международном журнале по психоанализу¹.

Здесь Абрахам раскрывает природу кастрационных переживаний у девочки, женщины, которые определяют глубинную специфичность женского развития. Комплекс кастрации имеет в своих проявлениях как активную, так и пассивную составляющие, сосуществование которых раскрывает противоречивую картину в жизни

¹ Abraham, K. Äusserungsformen des weiblichen Kastrationskomplexes. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1921. — Jahrg. VII. — Heft 4, December. — S. 422–452.

как мужского, так и женского пола. Абрахам показывает динамику разрешения противоречивых тенденций в становлении девочки, демонстрирует возможные исходы и оформления кастрационного комплекса у женщин на ряде клинических наблюдений, выделяет некоторые культурно и психологически заданные женские типы.

Данная работа Карла Абрахама позволяет обратиться к глубинным основаниям женской сексуальности и ее расстройств, а также психическим детерминациям конфликтов мужского и женского, что актуально как для клинической работы, так и для воспитания.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЖЕНСКОГО КОМПЛЕКСА КАСТРАЦИИ

Психологические явления, которые мы причисляем к так называемому комплексу кастрации женского пола, столь многочисленны и разнообразны, что даже подробное их изложение не может быть исчерпывающим. Многосторонние связи с биологическими и физиологическими процессами содействуют более сложному оформлению обсуждаемых здесь вопросов. Настоящее исследование никоим образом не претендует на изложение проблемы женского комплекса кастрации во всестороннем освещении, а ограничивается чисто психологической обработкой обширного клинического наблюдаемого материала.

I

Многие персоны женского пола, находящиеся в детском или зрелом возрасте, временно или постоянно страдают от факта, что они родились женщинами. Кроме того, психоанализ позволяет нам увидеть, что большое число персон женского пола вытеснили желание стать мужчиной; это желание встречается нам во всех продуктах, происходящих из бессознательного, особенно в сновидениях и невротических симптомах. Чрезвычайная частота таких наблюдений приводит нас к мнению, что здесь налицо общее, свойственное всем существам женского пола направление желания. Соглашаясь с этим взглядом, тем самым мы накладываем на себя особое обязательство к основательной и свободной от предрассудков проверке фактов, которым мы приписываем такое всеобщее значение.

То, что некоторые явления женской душевной жизни исходят из нерасположения к бытию женщиной, как было сказано, часто полностью осознается затронутыми персонами. Однако касательно *мотивов* такого неприятия многие женщины находятся в полном неведении. Конечно, определенные аргументы повторяются раз за разом: девочка якобы уже в детстве обделена по сравнению с мальчиком, поскольку последнему предоставляются большие свободы.

Позднее мужчина якобы свободен в профессиональном выборе, а также в многостороннем развитии; в частности, он подвергается намного меньшим ограничениям в сексуальной жизни. Тем не менее психоанализ учит нас, что такие сознательные аргументы имеют только ограниченную ценность. Они происходят из процесса рационализации, способного завуалировать глубже лежащие причины. Непосредственное наблюдение за девочками в ранние годы не позволяет возникнуть сомнениям в том, что на определенной стадии своего развития они чувствуют себя обделенными по сравнению с мужским полом из-за обладания меньшими внешними гениталиями. Результаты психоанализа у взрослых персон полностью совпадают с этим опытом; они показывают нам, что по крайней мере большая доля женщин не преодолели это обделение или — выражаясь психоаналитически, — не вытеснили, или не сублимировали его с постоянным успехом. Соответствующие представления часто напирают на плотины, поставленные перед их осознанием, с большой энергией, происходящей из их сильной загруженности либидо. Пестрое многообразие невротических симптомов, картин сновидений и т. п. свидетельствует об этой борьбе вытесненного с цензурой.

Знание того, что необладание мужскими органами вызывает такое продолжительное и часто тяжелое своими последствиями воздействие на женскую душевную жизнь, дало бы нам право обозначить все относящиеся сюда репрезентации влечения персоны таким собирательным именем, как ее *комплекс гениталий*. Тем не менее мы предпочитаем выражение, взятое из психологии невротиков мужского пола, и с полным правом говорим о «*комплексе кастрации*» также и у женского пола.

С нарциссизмом ребенка тесно связано и высокое оценивание собственного тела. Первично девочка не испытывает никакого чувства неполноценности касательно своего тела и поэтому сначала не может признать, что оно по сравнению с телом мальчика имеет дефект. Неспособная признать

первичное обделение собственной персоны девочка, как мы часто можем установить, формирует представление: «Первоначально у меня был член, как у мальчиков, но у меня его отняли». Таким образом, ребенок пытается отобразить мучительно ощущаемый недостаток как *вторичную* потерю, а именно как следствие кастрации.

Это воззрение тесно связано с другим, которое будет подробнее разобрано позже. Женские гениталии рассматриваются как *рана*, как таковая они представляют собой след кастрации.

Также встречаются фантазии и невротические симптомообразования, иногда даже импульсы и действия, позволяющие нам сделать вывод о враждебной по отношению к мужскому полу тенденции. У некоторых женских индивидов собственная обделенность вызывает желание отомстить предпочтенным мужчинам. Целью таких импульсов является активная кастрация, которую необходимо осуществить на мужчине.

Таким образом, женский пол не только имеет склонность освещать мучительно ощущаемый первичный недостаток как вторичную ограбленность, но мы также обнаруживаем и свойственное мужскому комплексу кастрации сосуществование активных и пассивных фантазий об увечье. Этими фактами мы обосновываем право на совпадающее обозначение.

II

Открытие мужских гениталий, как уже было сказано, действует на нарциссизм девочек как оскорбление. В нарциссическом периоде развития ребенок тщательно охраняет свое имущество и с ревностью смотрит на имущество других. Он хочет удержать то, что имеет, и к тому же иметь еще и то, что он видит. Если у кого-либо есть что-то, чего нет у него, это вызывает в ребенке две тесно связанные между собой реакции. С побуждением отнять у другого его имущество связывается враждебное чувство к предпочтенному. Соединение обеих реакций предстает перед нами как *зависть*, представляющая собой типичное проявление влечения садистическо-анальной фазы развития либидо¹.

Алчно-враждебная реакция ребенка на какое-либо преимущество, обнаруженное им у другой персоны, часто легко утяжеляется. Например, ребенку говорят, что он получит желаемое в близком или далеком будущем. Маленькой девочке такие успокаивающие обещания в какой-то степени можно давать также и в том, что касается ее тела. В ответ

¹ Такая черта характера, как зависть, будет подробнее рассмотрена в следующем исследовании автора («Дополнения к учению об анальном характере»).

на ее сомневающиеся вопросы можно сказать, что она станет большой, как мама, будет носить косу, как старшая сестра, и т. п., и ребенок удовольствуется этими уверениями. Только того, что у нее вырастут мужские органы, пообещать нельзя. Однако маленькая девочка сама пытается применить часто оправдываемое средство и для этого случая; какое-то время ребенок, кажется, даже придерживается этой надежды, как чего-то само собой разумеющегося, словно представление о *пожизненном* его обделении для него абсолютно непостижимо.

Особенно поучительно в этом отношении следующее наблюдение за двухлетним ребенком. Малышка смотрит, как ее родители за столом пьют кофе. На соседнем низком столике стоит ящик с сигарами. Малышка открывает крышку, берет сигару и приносит ее отцу, возвращается и приносит такую же матери. При этом она берет третью сигару и рукой придерживает ее перед собой в области низа живота. Когда мать кладет три сигары обратно в ящик, девочка недолго думая начинает ту же игру сначала.

Повторное проведение игры по тому же плану уже исключает случайность происшедшего. Однако смысл действия понятен. Малышка думает, что у матери есть мужской член, как у отца. Она считает владение этим органом не преимущественным правом мужчины, а правом взрослых вообще. Тогда у нее самой есть надежда в будущем получить такой же. Сигара является подходящим символом для желания ребенка не только благодаря своей форме. Она ведь давно поняла, что сигары курит только отец, не мать. В наделении матери сигарой наглядно выражена тенденция уравнивания мужчины и женщины.

Известны попытки маленьких девочек мочиться в мужской позе. Их нарциссизм не может стерпеть, что они не могут чего-то, что может другой. Так они пытаются по крайней мере создать впечатление, будто их тело не препятствие для того, чтобы делать это как мальчик.

Когда ребенок видит, что брат или сестра получают для еды, для игры что-то, чего у него самого нет, его глаза обращаются к персонам, рассматриваемым как дающие, и в первую очередь это родители. Он не хотел бы быть обделенным соперниками. Фантазия девочки, сравнивающей свое тело с телом брата, часто ждет от отца, что он «подарит» ей часть тела, отсутствие которой воспринимается так болезненно; в ребенке все-таки остается нарциссическая уверенность, что он не может постоянно оставаться обделенным, и он охотно приписывает отцу «всемогущество» создателя, способное подарить ему все, что он пожелает.

Однако все эти мечты через некоторое время разбиваются. Принцип удовольствия перестает безусловно властвовать над психическими процессами. Начинается приспособление к реальности, а с ним и критика собственных образований желания. В ходе своего психосексуального развития девочка должна совершить достижение приспособления, в меньшей мере требуемое от мальчика. Она должна смириться с фактом телесного «обделения», со своей женской половой ролью. Ранние генитальные чувствования, доставляющие удовольствие, в наслаждении которыми ей не мешают, в высшей степени будут содействовать облегчению отказа от мужественности. На этом пути женские гениталии даже смогут вернуть себе нарциссическое уважение.

Но в действительности этот процесс значительно более сложен. Фрейду¹ мы обязаны важным указанием на тесную сопринадлежность у ребенка определенных представлений. Представление о доказательстве любви неотрывно от представления о подарке. Первым доказательством любви, создающим у ребенка длительное, много раз повторяющееся впечатление, является кормление грудью. Этот акт подводит ему питание, умножая таким образом его материальное

¹ [Freud, S. Über Triebumsetzungen, insbesondere der Analerotik (1916—17e). // G. W. — Bd. 10. — S. 402—410.]

имущество, и действует на эрогенные зоны ребенка как доставляющий удовольствие раздражитель. Интересно, что в определенных областях Германии (по сообщению г-на коллеги Кербера) кормление ребенка грудью обозначается как «дарение».

Ребенок отвечает на «подарок» матери в определенных границах ответным даром, организовывая свои телесные испражнения в соответствии с ее желаниями. В частности, в раннем возрасте кал является материальным ответным даром ребенка на все полученные им доказательства любви.

Психоанализ научил нас, что именно в этом раннем психосексуальном периоде развития ребенок рассматривает свой кал как часть своего тела. Далее идентифицирующее мышление образует тесную связь между представлениями «кал» и «пенис». Этим уравниванием у мальчика обосновывается страх утраты члена, который мог бы отделяться от тела, как отделяется от него кал. У девочки же возникает фантазия о получении члена путем дефекации, т. е. о том, чтобы создать себе его самой, или о получении его в подарок, при этом дарящим обычно является отец как *beatus possidens*¹. Таким образом, мы обнаруживаем, что над этим психическим процессом властвует приравнивание: кал = подарок = пенис.

Последующее время подвергает нарциссизм маленькой девочки жесткому испытанию. Надежда, что член у нее еще вырастет, сбывается так же мало, как и фантазии о получении его путем самостоятельного изготовления или в подарок. Так разочаровавшаяся подвергается опасности обратить интенсивную и стойкую враждебность против того, от кого она напрасно ожидала подарка.

Все же фантазия ребенка обычно находит выход из этого положения. В процитированном сочинении Фрейд показал, что в значении подарка, наряду с «калом» или «пенисом», выступает еще и третье, идентифицируемое с этими

¹ [*Beatus possidens* (лат.) — счастливый обладатель.]

двумя представлениями. Это представление «ребенок». Инфантильные теории о зачатии и рождении прекрасно объясняют нам эту взаимосвязь.

Маленькая девочка питает надежду получить от отца — как замену за не предоставленный ей член — ребенка, причем снова в качестве «подарка». Желание иметь ребенка осуществимо, хотя только в будущем и с помощью более позднего объекта любви; таким образом, оно означает приближение к действительности. Поднимая отца до объекта любви, малышка вступает в ту стадию развития своего либидо, что отмечена господством женского эдипова комплекса. Но одновременно идентификация с матерью делает возможным развитие материнских порывов. Будущее обладание ребенком, таким образом, призвано обеспечить женщине вознаграждение за ее телесный дефект.

Мы рассматриваем как соответствие норме то, что либидо женщины в большем объеме, чем либидо мужчины, застревает в нарциссической связанности. Тем не менее опыт ни в коем случае не предсказывает, что женское либидо до возраста зрелости не испытает далеко идущих изменений.

Идентификация собственного Я с матерью в первую очередь заменяет первоначальную так называемую «зависть к пенису» девочки на зависть к тому, что у матери есть дети. Эти враждебные порывы нуждаются в сублимации, так же как и направленные на отца либидинозные стремления. Как и у мальчика, следует время латентности, и, как у него, пубертатный возраст заново пробуждает желания, обращенные к первому объекту любви. Желание подарка (ребенка) от персоны отца должно исчезнуть, освобождаясь либидо должно сменить свой объект. Если этот процесс развития проходит благоприятным образом, то женское либидо принимает по отношению к мужчине ожидающую установку; выражения либидо регулируются определенными торможениями (чувство стыда). Нормальная зрелая женщина смиряется с собственной сексуальной ролью и сексуальной ролью мужчины, особенно

с фактами мужской и женской генитальности; она вожделеет к удовлетворению в пассивной функции и требует ребенка. Таким образом, комплекс кастрации не создает мешающих воздействий.

Тем не менее ежедневное наблюдение показывает нам, как часто эта нормальная конечная цель развития не достигается. Этот факт не должен нас удивлять. Ведь жизнь женщины дает достаточно поводов, усложняющих преодоление комплекса кастрации. Речь идет о таких моментах, которые снова и снова вызывают в памяти женщины «кастрацию». Первичное представление о «ране» воскрешается впечатлением от первой *менструации* и от каждой последующей, затем еще раз *дефлорацией*. Ведь оба процесса связаны с потерей крови и в этом подобны ранению. Да не нужно даже *переживать* эти процессы, представление о том, что придется подвергнуться им в будущем, имеет то же воздействие на подрастающую девочку. То, что и родоразрешение фантазия ребенка женского пола толкует в том же духе, легко понятно с точки зрения типичных инфантильных теорий сексуального. Напомним, например, только о «теории кесарева сечения», которая отображает родоразрешение как кровавую операцию.

В таких условиях мы должны быть готовы к тому, что у каждой персоны женского пола обнаружатся по меньшей мере следы комплекса кастрации. Индивидуальные различия будут только количественными. У нормальных женщин мы, пожалуй, встречаем появляющиеся время от времени сновидения с мужской тенденцией. От этих самых легких выражений комплекса кастрации плавные переходы ведут к сложным и запутанным явлениям выражено патологического рода, которыми в основном должно заниматься настоящее исследование. Таким образом и в этой связи мы встречаем обстоятельства, подобные обстоятельствам у мужского пола.

III

В своем труде о «Табу девственности»¹ Фрейд противопоставляет нормальный выход комплекса кастрации, согласующийся с господствующим требованием культуры, «архаичному» типу. Обычай многих примитивных народов запрещает мужчине дефлорацию собственной жены; поэтому она должна быть проведена священнослужителями как сакраментальное действие или каким-либо образом произойти вне брака. Это своеобразное предписание, согласно убедительному анализу Фрейда, объясняется психологической опасностью амбивалентной реакции женщины на дефлорировавшего ее мужчину. Таким образом, совместное проживание с женщиной, которую он сам дефлорировал, могло бы стать опасным для мужчины.

Психоаналитический опыт учит нас, что торможение психосексуального развития раскрывается в явлениях, близких к поведению примитивных народов. Так и в наших современных культурных условиях мы нередко обнаруживаем женщин, реагирующих на дефлорацию по крайней мере близким к этой «архаичной» форме образом. Мне известно

¹ [Freud, S. Das Tabu der Virginität (Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens, III.) (1918a [1917]). // G. W. — Bd. 12. — S. 159–180.]

несколько случаев, в которых женщина после совершившейся дефлорации продуцировала выброс аффекта и избивала или душила своего мужа. Одна из моих пациенток уснула после первого сношения со своим мужем. В полусонном состоянии она напала на него, применив физическую силу, и не сразу пришла в себя.

Значение такого поведения не может вызывать сомнений: женщина мстит за повреждение своей телесной интегральности. Но психоанализ позволяет нам распознать в мотивации таких импульсов мести историческое расслоение. Отплата, согласно существующему у нее обоснованию, относится к дефлорации; наверняка, это переживание дает женщине окончательную картину мужской активности и навсегда выбивает почву из под ног у любых попыток стереть функциональные различия между мужской и женской сексуальностью. Тем не менее любой основательный анализ откроет нам тесную связь фантазий о мести со всеми более ранними — как фантазируемыми, так и реальными, — переживаниями, действовавшими в духе кастрации. В последнюю очередь отплата относится к перенесенной от отца несправедливости. За то, что отец ни первоначально, ни позже не наделил ребенка мужским членом, бессознательное взрослой дочери еще отомстит позднее; конечно, не отцу в собственной персоне, а тому мужчине, который вследствие переноса ее либидо перенял роль отца. Адекватной мстью за перенесенную несправедливость — кастрацию — является только кастрация. Конечно, она может быть символически заменена другими агрессивными мерами; среди них, в частности, типичным действием замены является удушение.

Противопоставленность таких случаев «нормальному» выходу очевидна. Нормальная любовная установка к другому полу как у мужчины, так и у женщины, безусловно, связана с сознательным или бессознательным вождением к генитальному удовлетворению в общности с объектом любви. В только что описанных случаях,

напротив, мы вместо любовной установки с генитальной целью обнаруживаем садистическо-враждебную установку с происходящей из анальных мотивов целью обладания. Тенденция к насильственному отнятию видна из многообразных сопутствующих психических обстоятельств. С этой фантазией кражи тесно связано представление о *перенимании* украденного члена на собственную персону (так называемое перенимание пениса); далее оно еще будет нас занимать.

Желания мужественности у женщины, как уже говорилось, лишь иногда прорываются в этом «архаичном» духе. С другой стороны, было указано на то, что значительная часть женщин не справляется с полным психическим приспособлением к причитающейся женщине сексуальной роли. Этим индивидам близка третья возможность. Общечеловеческая бисексуальная предрасположенность открывает им путь к гомосексуальности. Они склонны к перениманию мужской роли в эротических отношениях с другими персонами женского пола. Они любят представлять свою мужественность на обозрение в одежде и прическе, в манерах и т. п.

Этим случаям близки другие, в которых гомосексуальность не прорывается к осознанию; вытесненное желание быть мужчиной обнаруживается здесь в сублимированной форме. Мужские интересы духовного, профессионального и другого рода предпочитают и подчеркиваются. Однако сознательного отречения от женственности не происходит; более того, обычно эти женщины прокламируют, что разделяемые ими интересы ни в коем случае не являются сугубо мужскими, но настолько же женскими. Они придерживаются того взгляда, что принадлежность человека к тому или иному полу для его достижений, в частности на духовном уровне, иррелевантна. Этот тип женщин широко представлен в женском движении нового времени.

То, что я лишь в немногих словах говорю о только что описанных группах, ни в коем случае не выражает низкой

оценки их практического значения. Однако оба типа уже хорошо известны в своем проявлении и достаточно учтены в психоаналитической литературе, так что здесь я могу быть краток, для того чтобы обратить весь интерес на *невротические преобразования* комплекса кастрации. Здесь важно точно описать большой ряд явлений, причем некоторые из них впервые, и объяснить их с психоаналитических точек зрения.

IV

Продукты невротиических преобразований, происходящие из комплекса кастрации женщины, можно разделить на две группы. Явления одной группы покоятся на сильно подчеркнутом аффективно, но не осознанном вожделении к перениманию мужской роли или на фантазии о владении мужским органом. В явлениях другой группы выражается бессознательное неприятие женской роли и вытесненное вожделение к мести предпочтенному мужчине. Четкого разделения обеих групп не существует; явления одного рода не исключают появление у того же индивида других явлений, более того, они взаимно дополняют друг друга. Тем не менее можно ясно распознать перевешивание той или иной установки. Тогда в зависимости от преобладающего рода реакции можно говорить о *типе исполнения желания* и о *типе мести*.

Ранее, наряду с нормальным выходом женского комплекса кастрации, мы познакомились с двумя аномальными формами сознательной реакции, гомосексуальным типом и архаичным типом (мести). Здесь достаточно только вспомнить общее отношение между перверсией и неврозом в том виде, в каком оно стало понятным и близким нам из исследований Фрейда, чтобы суметь отдать должное

двум только что описанным невротическим типам касательно их психогенеза. Они являются «негативом» вышеописанного гомосексуального и садистического типа, ведь они содержат те же мотивы и тенденции, только в вытесненной форме.

Психические явления, происходящие из бессознательных желаний телесной мужественности или желаний мести мужчине, трудно обозримы в своем многообразии. Следует принимать в расчет и то, что невротические симптомы — не единственные выражения бессознательного происхождения, которые нас здесь занимают. Достаточно указать на то, в каком различном образе являются в сновидениях одни и те же вытесненные тенденции. Как уже упоминалось вначале, в намерения настоящего исследования не может входить исчерпывающее изложение форм выражения вытесненного комплекса кастрации. Напротив, из множества будут выделены определенные частые и инструктивные формы, особенно такие, которые еще не были учтены.

Далее всего идущее исполнение желания в духе женского комплекса кастрации содержит те симптомы или сновидения невротичных, что превращают факт женственности в противоположность. В таком случае бессознательные фантазии у персоны женского пола прокламируют: я являюсь счастливой обладательницей мужского члена и выполняю мужскую функцию! Примечательный пример такого рода дает ван Офуйзен в своей статье о «комплексе мужественности» женщины¹. Пример взят из сознательной деятельности фантазии в юности одной из его пациенток и поэтому, прежде всего, дает нам возможность взглянуть на ее еще не вытесненные активно мужские желания, а одновременно прекрасно демонстрирует основу невротических симптомов, выражающих ту же тенденцию, после того как она подверглась вытеснению. В то время пациентка имела

¹ [Ophuijzen, J.H.W. van. Beiträge zum Männlichkeitskomplex der Frau. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1916/1917. — Bd. IV. — S. 241–251.]

привычку по вечерам вставать между лампой и стеной и держать пальцы в области низа живота так, чтобы на тени они принимали форму пениса. Она поступала очень похоже на то, как поступала с сигарой упомянутая ранее двухлетняя девочка.

В один ряд с этим инструктивным примером поставлю сновидение одной невротичной, недавно вышедшей замуж женщины. Для его понимания нужно заранее упомянуть, что пациентка была единственным ребенком в семье. Родители горели желанием иметь сына и взращивали в дочери нарциссизм и особенно желания мужественности. По ее выражению, она непременно должна была стать «знаменитым мужчиной». В сновидениях наяву в ее юности она видела себя «Наполеоном женского пола». Будучи им, она вступала на славный жизненный путь в качестве офицера женского пола, продвигалась до высших должностей, и все страны Европы ложились к ее ногам. После того как она таким образом проявляла превосходство над всеми мужчинами земли, наконец, появлялся единственный, превосходящий не только всех мужчин, но и ее; ему она покорялась. Вступление в брак в действительной жизни сопровождалось для пациентки крайним противлением перениманию женских функций. Примечательные симптомы такого рода будут упомянуты позже; здесь будет помещено только сновидение пациентки.

«Мой муж нападает на женщину, поднимает ее юбки, находит своеобразный карман и достает оттуда шприц с морфием. Этим шприцом она делает ему инъекцию, после которой его, слабого и жалкого, уносят».

Женщина в этом сновидении, соответствующая самой пациентке, отнимает у мужчины активную роль. Возможность для этого ей дает скрытый пенис (шприц), с помощью которого она совершает с ним коитус. Ослабленное состояние мужчины намекает на то, что он убит ее насилием.

Доставание шприца из кармана напоминает мужскую форму уринирования, которая в детстве казалась пациентке завидной. Но ему соответствует и другое значение. На заседании Берлинского психоаналитического объединения Бём обратил внимание на одну частую инфантильную теорию сексуального. Полагают, что пенис, первоначально приписываемый и женскому полу, спрятан в щели, из которой он время от времени может выходить.

Другая пациентка, невроз которой в многообразнейшей форме выразил длительную расщепленность между мужественностью и женственностью, описала чувство, тенденцией которого могла быть только симуляция ею обладания мужским органом. Дело в том, что при сексуальном возбуждении она часто испытывала чувство, словно на ее теле что-то набухает до чудовищной величины.

Другие пациентки в своих симптомах отображают не совершенное исполнение желания в смысле мужественности, а соответствующее ожидание этого в близком или далеком будущем. Если бессознательное таким образом в только что описанных случаях хочет выразить: я — мужчина [уже сейчас], то желание здесь можно сформулировать так: я получу этот «подарок» однажды, я обязательно настою на этом!

Упомяну одну фантазию сознательного рода из юности одной невротичной девушки, являющуюся почти образцовой для бессознательного содержания некоторых невротических симптомов. Когда у ее старшей сестры в первый раз была менструация, пациентка заметила, что мать и сестра втайне переговариваются. Тогда у нее блеснула мысль, сейчас сестра точно получит мужской член, а значит, и она сама рано или поздно его получит. Крайне характерно здесь переворачивание действительного положения вещей: на место обновленной «кастрации», которую означает первая менструация, ставится достижение жаждущей части тела.

Одна невротичная, в психоанализе которой проявилась чрезвычайная сила нарциссизма, однажды находилась

в сильнейшем сопротивлении лечению и продуцировала по отношению ко мне множественные явления упрямства, относившиеся, собственно говоря, к ее умершему отцу. Она покинула мой кабинет в состоянии сильного негативного переноса. Выйдя на улицу, она поймала себя на том, что импульсивно произносила слова: «А я не буду здорова, пока не получу член». Итак, она ждала от меня как субститута ее отца этого подарка. От него, как она считала, зависело действие лечения.

То же содержание, что и это внезапно прорвавшееся из ее бессознательного представление, имели и определенные сновидения этой пациентки. В них одаривание проявилось в двойном смысле (получить ребенка или мужской член).

Как повсюду в сфере психологии неврозов, так и в области комплекса кастрации заключаются компромиссы между влечением и вытеснением. Не всегда держатся за полное исполнение желания в смысле настоящего или будущего обладания мужским органом, во многих случаях бессознательное в качестве замены довольствуется удовлетворением этой тенденции.

Невротическим симптомом, обязанным комплексу кастрации одной из важнейших своих детерминаций, является *enuresis nocturna*¹ у невротичных женского пола. Аналогия с детерминацией этого симптома у невротичных мужского пола разительна. Упомяну, например, сновидение, рассказанное мне одним четырнадцатилетним пациентом, пораженным этим страданием: он находится в уборной и мочится с отчетливым чувством удовольствия. Внезапно он замечает, что через окно на него смотрит сестра. В действительности маленьким мальчиком он с гордостью демонстрировал ей свое мужское искусство уринирования. Как это заканчивающееся энурезом сновидение позволяет распознать гордость мальчика своим пенисом, так и женский энурез часто покоится на фантазии о желании мочиться

¹ [Enuresis nocturna (лат.) — ночное недержание мочи.]

по-мужски. Сновидение отображает этот процесс в скрытой форме и заканчивается доставляющим удовольствие опорожнением пузыря.

Женщины, склонные к enuresis nocturna, как правило, поражены сильными сопротивлениями женским сексуальным функциям. Инфантильное вожделение к способности мужского уринирования связывается с известным нам смешением урины и спермы, микции и эякуляции. Отсюда вытекает бессознательная тенденция при сексуальном сношении увлажнять мужчину мочой.

Другие образования замены, пространственно удаляясь от области гениталий, выявляют смещаемость либидо в еще более высокой степени. Определенные части тела, которым как эрогенным зонам присуща всеобщая пригодность, вследствие индивидуальных детерминаций притягивают на себя либидо, как только оно вынуждено отойти от зоны гениталий. У некоторых невротичных женщин значение суррогата мужских гениталий перенимает нос. Нередкий невротический приток крови к носу, начинающийся покраснением и опуханием, в духе желаний мужественности оценивается бессознательной фантазией как эрекция.

В других случаях подобную роль перенимают глаза. Есть невротичные женщины, у которых любое сексуальное возбуждение становится заметным из-за аномально сильного прилива крови к глазам. В определенной степени этот приток крови является нормальным и всеобщим побочным явлением сексуального возбуждения. Однако у тех невротичных женщин, о которых здесь идет речь, наблюдается не только количественное усиление явления на краткое время, но и состояние покраснения конъюнктивы, часто длящееся по несколько дней. Продолжающееся днями после каждого более сильного сексуального возбуждения жжение опухшей конъюнктивы в определенных случаях дает нам право говорить о conjunctivitis neurotica¹.

¹ [Conjunctivitis neurotica (лат.) — невротический конъюнктивит.]

Я наблюдал нескольких пациентов, пораженных многообразными невротическими явлениями — следствиями комплекса кастрации — и испытывающих только что описанное состояние глаз, по своему ощущению соединяющееся с неподвижностью взгляда, как выражение их мужественности.

«Неподвижный взгляд» бессознательным часто приравнивается к эрекции. Я уже имел возможность сослаться на этот симптом в более раннем труде, предметом которого были определенные разыгрывающиеся на глазу невротические нарушения¹. В отдельных случаях существует представление, что неподвижный взгляд должен приводить других людей в ужас. Если мы проследим бессознательные ходы мыслей пациенток, идентифицирующих неподвижный взгляд с эрекцией, то сможем понять смысл их страха. Как эксгибиционисты мужского пола с их перверсией, помимо прочего, преследуют цель испугать женщин видом фаллоса, так эти женщины бессознательно стараются достичь того же эффекта неподвижным взглядом.

Несколько лет назад я консультировал одну юную девушку с тяжелым неврозом. Едва она вступила в мой кабинет, как без всяких церемоний обратилась ко мне с вопросом, правда ли, что у нее красивые глаза. На миг я был смущен странным способом знакомства с врачом. Это замеченное ею промедление и мое предложение сначала ответить на мои вопросы вызвали у нее сильный выброс аффекта. Все поведение больной, которую я видел всего несколько раз, сделало невозможным проведение методического психоанализа. Я не смог добиться ясности даже в диагностическом отношении, поскольку определенные черты картины болезни заставляли думать о параноидном

¹ Abraham, K. Über Einschränkungen und Umwandlungen der Schaulust bei den Psychoneurotikern nebst Bemerkungen über analoge Erscheinungen in der Völkerpsychologie. // Jahrbuch der Psychoanalyse (Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen). — 1914. — Bd. VI. — S. 25–88.

состоянии. Тем не менее мне удалось получить некоторые данные о происхождении самых выразительных симптомов, которые, несмотря на свое несовершенство, предоставили определенный обзор структуры состояния.

Пациентка, по ее сообщению, ребенком пережила сильный испуг. В маленьком городе, в котором она тогда пребывала, проездом находился зверинец. Из него сбежала гигантская змея, которую сначала не могли отыскать. Пациентка шла со своей гувернанткой по парку и внезапно увидела перед собой гигантскую змею. При виде ее она оцепенела от испуга и с тех пор боялась, что у нее может быть неподвижный взгляд.

Можно оставить невыясненным, принадлежало ли переживание со змеей действительности или полностью или частично должно рассматриваться как продукт фантазии. Нам, прежде всего, известна и понятна ассоциация: змея — оцепенение. Но мы также знаем, что змея является символом мужских гениталий. Тогда неподвижность глаза становится объяснимой из идентификации: неподвижный глаз = змея = фаллос. Но этим пациентка боролась со своим желанием мужественности. Его место заняла навязчивость получить от каждого мужчины уверение в «красивости» ее глаз, т. е. в том, что глаза имеют любовный раздражитель. Если кто-то медлил ответить на ее вопрос утвердительно, то пациентка, как мы должны предположить, подвергалась опасности, что ее с усилием оттесненные мужественно-садистические порывы переселят ее, и испытывала страх перед своей надвигающейся мужественностью.

Именно на этом месте хотелось бы подчеркнуть, что сообщенные наблюдения ни в коем случае не отвечают большому многообразию относящихся сюда симптомообразований. К примерам, наглядно отображающим вступление различных частей тела в качестве замены в мужскую генитальную роль, добавлю еще доказательство, что и объекты, не относящиеся к телу, могут использоваться для той же цели, если только их форма и применимость как-либо позволяет

генитально-символическое использование. Напомним только о склонности невротичных женщин делать что-либо со шприцами, ставить себе или членам семьи клизмы.

Здесь много точек соприкосновения с нормальными выражениями женского комплекса кастрации, особенно с типичными женскими симптомными действиями; в качестве примера следует упомянуть втыкание ручки зонтика в землю. Характерно и радостное оживление многих женщин при поливе сада с помощью шланга: в этой деятельности бессознательное переживает идеальное исполнение детского желания.

Другие женщины менее способны или склонны в качестве замены находить удовлетворение своих желаний мужественности в невротических суррогатах. Их симптомы дают выражение совершенно другой позиции. А именно: они отображают мужской орган как второстепенный и необязательный. Сюда относятся все симптомы и фантазии в духе *непорочного зачатия*. Эти женщины словно бы хотят прокламировать своим неврозом: *я и одна это могу!* Одна из моих пациенток пережила такое зачатие в сновиденческом помутнении сознания. Прежде один раз у нее уже было сновидение, в котором она держала в руках шкатулку с распятием. Идентификация с Марией здесь совершенно очевидна. У невротичных женщин, поставивших такие явления, я всегда обнаруживал особенно выраженные анальные черты характера. В представлении о «способности сделать это одной» выражается высокая степень своенравия, обычно встречающаяся у таких пациенток. Так, например, и в психоанализе они хотят найти все одни, без помощи врача. Как правило, это женщины, своенравием, завистью и завышенной самооценкой разрушающие все связи со своим окружением, разрушающие даже всю свою жизнь.

V

Симптомы, описанные выше, носили характер позитивного исполнения желания в смысле инфантильного вождения к тому, чтобы телесно быть равной мужчине. Но названные последними формы реакции уже близки к *типу мести*. Ведь если мужскому органу отказать в его значении, то уже в этом — размужчинивание мужчины, пусть даже в очень смягченной форме. Таким образом, нам не придется совершать внезапный скачок для того, чтобы перейти к явлениям второй группы.

У этих пациенток с большой регулярностью встречаются две тенденции в скрытой форме: требование мести мужчине и вождение к тому, чтобы насильно взять желаемый орган, т. е. украсть его у мужчины.

Одной из моих пациенток приснилось, что она вместе с другими женщинами носила огромный пенис, украденный ими у животного. Здесь нам вспоминаются невротические импульсы к краже. Так называемая kleptomania часто восходит к тому, что ребенок по отношению к любовной манере, которую мы должны приравнять к подаркам, чувствует себя обиженным, или обойденным, или еще как-либо ущемленным в удовлетворении своего либидо. Для замены упущенному удовольствию он создает себе *заменяющее удовольствие*

и в то же время мстит тем, кто совершил по отношению к нему мнимую несправедливость. Те же импульсы насильно завладеть неполученным «подарком» психоанализ устанавливает в бессознательном наших пациентов.

Практически важнейшим невротическим симптомом, служащим вытесненным фантазиям о кастрации, которую нужно осуществить на мужчине, является *вагинизм*. Его тенденция не только в том, чтобы предотвратить проникновение пениса, а в том, чтобы уже не выпускать его в случае проникновения, т. е. удержать и тем самым провести кастрацию мужчины. Таким образом, фантазия исходит из кражи у мужчины его члена и присвоения его себе.

Пациентка, сообщившая о ранее упоминавшемся сновидении о шприце с морфием, в начале своего брака продуцировала редкую, сложную форму неприятия мужчины. Она страдала истерической аддукционной контрактурой бедра, дававшей о себе знать при каждом приближении мужа. После того как в течение нескольких недель это препятствие было устранено, в качестве нового симптома неприятия проявилась высокая степень вагинизма, полностью уступившего только психоаналитическому лечению.

Та же пациентка, либидо которой в чрезвычайной степени было зафиксировано на ее отце, перед своим браком увидела короткое сновидение, при рассказе о котором она совершила явный промах в выражении. А именно: она сообщила, что в сновидении ее отца переехали, и при этом он потерял «ногу и свои возможности». Идея кастрации здесь выразилась не в «ноге», а в «возможностях».

Переезд — один из самых частых символов кастрации. Один из моих пациентов, «тотемом» которого был пес, видел сон, в котором переехали пса и тот потерял ногу.

Тот же символ обнаруживается в фобии, относящейся к тому, что определенную персону мужского пола могут переехать и тем самым лишить руки или ноги. Одна из моих пациенток была подвержена этому страху по отношению к различным персонам мужского пола своей семьи.

Еще в более ранние годы, особенно же во время прошедшей войны, я обратил внимание на то, что некоторые женщины испытывали особенный эротический интерес к мужчинам, потерявшим руку или ногу в результате ампутации или несчастного случая. Это женщины с особенно живым чувством обойденности, либидо которых скорее признает покалеченного мужчину, чем сохранившего все части тела: ведь он тоже потерял член. Очевидно, определенные женщины чувствуют родство с искалеченным мужчиной, рассматривают его как товарища по страданию и не нуждаются в том, чтобы отклонять его с ненавистью, как здорового человека. Из того же источника объясняется интерес некоторых женщин к еврейским мужчинам: обрезание ощущается как по меньшей мере парциальная кастрация и позволяет таким женщинам перенос либидо на мужчину. Я знаю случаи, в которых смешанный брак заключался главным образом из такого, в любом случае неосознанного для пациентки мотива. Тот же интерес, между прочим, обращается и на мужчин, получивших иные телесные повреждения и утративших мужское «превосходство».

Сильнейшее впечатление о власти комплекса кастрации произвел на меня психоанализ одной семнадцатилетней девушки. У этой пациентки обнаружилось множество невротических явлений конверсии, фобий и навязчиво возникающих импульсов, все они были связаны с разочарованностью в ее женственности и с фантазиями о мести мужскому полу. Упомяну сначала, что за несколько лет до этого пациентка была прооперирована из-за аппендицита¹. Хирург передал ей извлеченный орган в сосуде со спиртом, и она сохраняла его как святыню. Ее представления о кастрированности теперь двигались вокруг этого препарата, который появлялся и в ее сновидениях в значении когда-то имевшегося, а затем поте-

¹ Извлечение processus vermiformis обычно достаточно питает комплекс кастрации и у персон мужского пола.

рянного члена¹. Поскольку хирург, помимо всего прочего, был родственником пациентки, тем легче ей было ассоциативно связать проведенную им «кастрацию» с *отцом*.

Среди симптомов пациентки, основывающихся на вытеснении активных желаний кастрации, следует упомянуть фобию, заслуживающую названия «*страх замужества*». Она выразилась в сильнейшем сопротивлении мысли о замужестве, поскольку пациентка боялась, что «должна будет причинить своему будущему мужу нечто ужасное». Сложнейшая часть анализа состояла в раскрытии чрезвычайного отклонения генитальной эротики, а также необычайной подчеркнутости эротики рта в образе навязчиво наступавших фантазий. Представление об оральном сношении было тесно связано с представлениями об откусывании мужского члена. Эта фантазия, часто выражающаяся в различнейшего рода явлениях страха и конверсии, в данном случае сопровождалась множеством других вызывающих ужас представлений. Психоанализу удалось остановить избыточное производство болезненной фантазии.

Такие страхи, как вышеописанные, препятствуют охваченной ими женщине в любом интимном сближении с другим полом, а тем самым и в проведении бессознательно замысленного «преступления». Сама пациентка тогда является единственной персоной, вынужденной страдать от этих импульсов, что проявляется в образе длительной абстиненции и невротического страха. Иначе происходит, когда активная фантазия о кастрации в какой-либо степени искажается и тем самым становится неузнаваемой для сознания. Смягчение фантазий в форме их явления делает возможными более сильные воздействия этих тенденций вовне.

Такое смягчение активной кастрационной тенденции может произойти, например, в той форме, что представление о краже у мужчины гениталий теряет силу. Враждебное

¹ Другая пациентка воображала, что у нее есть брат, и у него нужно извлекать слепую кишку.

намерение смещается с органа на его функцию, теперь важно уничтожить потенцию мужчины. Невротическое отклонение сексуального у супруги нередко имеет отталкивающее воздействие на либидо мужчины, так что наступает нарушение потенции.

Дальнейшее смягчение агрессивной тенденции выражается в нередком роде установки женщины к мужчине, которая может стать крайне мучительной для последнего. Это тенденция к разочарованию мужчины. Разочаровать означает — возбудить в ком-либо ожидания и не оправдать их. В отношениях с мужчиной это может произойти, например, через сближение до определенного пункта и последующий за этим отказ в себе. Это поведение чаще всего находит свое примечательнейшее выражение во *фригидности* женщины.

Разочарование других персон — это бессознательная тактика, часто встречающаяся нам в психологии неврозов, однако выраженнее всего — у невротиков с навязчивостью. Последние бессознательно исполнены порывами к насилию и мести, но вследствие противоположной игры амбивалентных сил влечения неспособны допустить такие импульсы к действительному прорыву. Поскольку враждебности нельзя выразиться в действиях, такие пациенты вызывают у своего окружения ожидания приятного рода, которые затем не оправдывают. В занимающей нас области женского комплекса кастрации тенденцию к разочарованию в ее возникновении легко отобразить следующим образом.

Первая стадия: я украду у тебя то, что ты имеешь, потому что у меня этого нет.

Вторая стадия: я не буду ничего у тебя красть; я даже пообещаю дать тебе то, что есть у меня.

Третья стадия: я не дам тебе того, что обещала.

Фригидность в очень многих случаях соединяется с сознательной готовностью к принятию женской и признанию мужской ролей. Бессознательное стремление частью исходит из разочарования мужчины, склонного к тому, чтобы на основании сознательной готовности жены

сделать вывод о возможности совместного наслаждения. Но у фригидной женщины тотчас же возникает тенденция продемонстрировать себе и партнеру, что его способность ничего не значит.

Если проникнуть в более глубокие психические слои, станет ясно, как сильно в бессознательном именно фригидной женщины властвует вождение к тому, чтобы быть мужчиной. В более ранней статье я, отталкиваясь от известных рассуждений Фрейда о фригидности¹, пытался доказать, что такое состояние у женского пола является точным аналогом нарушения потенции у мужчины, известного нам как «ejaculatio praecox»². В обоих состояниях либидо привязано к той эрогенной зоне, которой обычно причитается значение того же рода, что и у *другого* пола. В случае фригидности ощущение удовольствия, как правило, привязано к клитору, в то время как в вагинальной зоне ощущение удовольствия отсутствует. Тем не менее в истории развития клитор соответствует мужским гениталиям.

Фригидность является настолько распространенным нарушением, что примеры вряд ли нужны. Менее известно, напротив, то, что существуют различные степени этого страдания. Редко встречается высочайшая степень, собственно анестезия. Здесь слизистая вагины утрачивает всякую чувствительность к прикосновениям, так что при половом сношении мужской орган не ощущается; тем самым практически отрицается его существование. Обычной формой является относительное нарушение чувствительности; контакт ощущается, но без удовольствия. В других случаях есть чувство удовольствия, но оно не возвышается до оргазма, или — что то же самое, — не происходят контракции женского органа, соответствующие высшей точке удовольствия. Ведь именно они означают полную

¹ Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — {S. 27, 33—145} S. 122.

² Abraham, K. Über Ejaculatio praecox. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1916—1917. — Bd. IV. — S. 171—186.

позитивную реакцию женщины на мужскую активность, безостаточное одобрение нормального отношения полов.

Здесь еще следует упомянуть поведение некоторых женщин, требующих удовлетворения нормальным путем, однако пытающихся организовать процесс по возможности более кратко и по-деловому. Они отклоняют любое наслаждение предваряющего удовольствия, но особенным образом ведут себя после полученного удовлетворения, так, словно не случилось ничего, что могло бы произвести на них какое-нибудь впечатление. Они быстро переводят разговор на другую тему, берутся за чтение или какое-либо другое занятие. Таким образом, эти женщины на мгновения позволяют себе полную телесную функцию женщины, но тотчас же снова от нее отрекаются.

Врачам давно известно, что некоторые женщины впервые испытывают нормальное половое ощущение после рождения ребенка. Они, скажем так, становятся в полном смысле женственными только окольным путем через чувство материнства. Более глубокая связь станет понятна только из комплекса кастрации. Ведь ребенок еще в более раннее время был «подарком», который должен был заменить недостающий мужской орган. Теперь он акцентируется в действительности и позволяет «ране» наконец отболеть. Следует заметить, что у некоторых женщин существует желание получить от мужчины ребенка против его воли; от нас не может ускользнуть бессознательная тенденция к отниманию у мужчины его члена и присвоению его себе в образе ребенка. Относящуюся сюда вторую крайность представляют женщины, желающие при любых обстоятельствах остаться бездетными. Они пренебрегают такой обычной заменой, их материнство постоянно мешало бы им напоминаниями об их женственности.

Относительная фригидность существует не только в смысле степени чувствительности, но и поскольку немало женщин фригидны по отношению к определенным мужчинам, пребывая же с другими мужчинами, способны ощущать.

Далее, следовало бы ожидать, что сильная активность со стороны мужчины является благоприятнейшим условием для вызывания у таких относительно фригидных женщин полового ощущения. Но это ожидание оправдывается не во всех соответствующих случаях. Напротив, существуют женщины, для которых принижение мужчины точно так же стало условием любви, как и принижение женщины для такого количества невротичных мужчин¹. Это ни в коем случае не редкое поведение может продемонстрировать единственный пример.

Одна женщина с сильно полигамной любовной жизнью, мой анализанд, была анестетичной всегда, когда вынуждена была признать превосходство мужчины в каком-либо смысле. Если же она ссорилась с мужчиной, и ей удавалось вынудить его уступить, то фригидность полностью исчезала.

Такие случаи с особенной отчетливостью показывают, какой серьезной предпосылкой для нормальной любовной жизни женщины является признание мужской генитальной функции. Здесь мы также стоим у источника сознательных или бессознательных побуждений к проституции у женщины.

Фригидность является практически предпосылкой для проституции. Полное сексуальное ощущение привязывает женщину к мужчине. Только там, где оно отсутствует, женщина может переходить от мужчины к мужчине совершенно так же, как постоянно неудовлетворенный тип Дон Жуана у мужчины все время должен менять объект любви. Но как Дон Жуан мстит всем женщинам за разочарование, принесенное ему одной, первой в его жизни женщиной, так и проститутка мстит каждому мужчине за неполучение

¹ Ср. Фрейд, «Статьи по психологии любовной жизни» I и II [Freud, S. Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne (Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens, I.) (1910h). // G. W. — Bd. 8. — S. 66—77. Freud, S. Über die allgemeinste Erniedrigung des Liebeslebens (Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens, II.) (1912d). // G. W. — Bd. 8. — S. 78—91.]

подарка, которого она ждала от отца. Ее фригидность означает принижение всех мужчин и тем самым в понимании ее бессознательного — массовую кастрацию; на службу этой тенденции она ставит всю свою жизнь¹.

В то время как фригидная женщина бессознательно устремлена к принижению значения части тела, во владении которой ей отказано, существует еще другая форма неприятия мужчины, которая стремится к той же цели, используя противоположное средство. Мужчина, в смысле этой формы неприятия, является не чем иным, как половым органом, т. е. состоит только из грубой чувственности. Любое другое духовное или телесное качество в нем не признается. Эффектом является то, что на этом пути невротичная женщина воображает, что вследствие обладания пенисом мужчина является неполноценным существом. Это поднимает ее собственное чувство самости, она даже может радоваться, что свободна от такой неполноценности. У одной из моих пациенток с тяжелейшим неприятием мужчины в любой ситуации при виде любого мужчины перед глазами появлялись навязчивые галлюцинации очень большого пениса. Это видение снова и снова приводило ее к тому настроению, что в мужчине больше ничего нет, кроме гениталий, от которых она с отвращением отворачивалась. Видение в любом случае одновременно отображало то, что интенсивнее всего интересовало ее бессознательное. Определенные фантазии, связанные с видением, носили дополняющий характер. В них пациентка отображала саму себя так, словно каждое отверстие ее тела, даже все тело как целое было только одним принимающим женским органом. Описанный симптом, таким образом, содержит смесь переоценивания и принижения мужского органа.

¹ К такой формулировке меня, помимо всего прочего, привели замечания д-ра Теодора Райка в дискуссии в Берлинском психоаналитическом объединении.

VI

Мы уже увидели, что тенденция принижать мужские гениталии в их значении подлежит прогрессирующему вытеснению сексуального и часто проявляется как *принижение мужчины вообще*. У некоторых женщин на этом пути часто доходит до инстинктивного избегания мужчин с выраженно мужественно-активными свойствами. Они направляют свой любовный выбор на пассивных феминного вида мужчин и в совместной жизни с ними могут ежедневно обновлять доказательство того, что их собственная активность превосходит мужскую. Совершенно так же, как манифестно гомосексуальные женщины, они любят отображать духовные и телесные различия между мужчиной и женщиной по возможности как незначительные. Одна из моих пациенток шестилетней девочкой просила мать посылать ее в школу в мальчишеской одежде и мальчишеских ботинках, тогда бы никто не заметил, что она девочка.

Наряду со склонностью к принижению мужчины, обнаруживается высокая чувствительность комплекса кастрации к ситуациям, лишь отдаленно способным вызвать чувство неполноценности. Женщины с такой установкой избегают принимать какую-либо помощь от мужчины и проявляют величайшее нерасположение уже к одному следованию

примеру мужчины. Одна молодая женщина выдала свои усердно удерживаемые в вытеснении притязания на мужественность тем, что не согласилась идти по покрытой глубоким снегом улице за своим мужем и пользоваться его следами. Тут же сообщим о следующей, очень примечательной ее черте. Рано пораженная сильным вождением к самостоятельности, подростком она особенно завидовала двум женщинам из-за их профессиональной деятельности: кассирше в магазине ее отца и женщине, подметавшей улицы в ее родном населенном пункте. От психоаналитика не могла уйти детерминация такого выбора. Кассирша собирает деньги, подметальщица улиц — мусор, что для бессознательного равнозначно. Поворот от генитальной сексуальности в сторону образования анальных черт характера здесь вопиюще, тем не менее мы остановимся на этом процессе в связи с другими моментами.

То, каким сильным может быть нерасположение к напоминаниям через какое-либо впечатление о собственной женственности, проявляется уже в характерном поведении некоторых детей. Маленькие девочки нередко отказываются от уже полученного знания о зачатии и рождении в пользу басни об аисте. Для маленькой девочки крайне нежеланна роль, предназначенная ей природой. Сказка об аисте имеет то преимущество, что по ней дети появляются без приписывания мужчине как-либо предпочитаемой в смысле активности роли.

Крайняя степень чувствительности в смысле комплекса кастрации у женского пола обнаруживается в более редких случаях психической депрессии. Здесь чувство несчастливости из-за собственной женственности остается абсолютно невытесненным, таким индивидам даже не удастся переработать его в какой-либо смягченной форме. Одна наблюдавшаяся у меня пациентка жаловалась на полную бесполезность своей жизни, поскольку ей довелось родиться девочкой. В этом случае превосходство мужчины во всех отношениях рассматривалось как само собой разумеющееся и именно

поэтому ощущалось так мучительно. Пациентка ни в какой из сфер старалась не вступать в соревнование с мужчинами, но так же пренебрегала и любым женским достижением. Особенно в эротическом она отклоняла женскую роль, хотя так же решительно отклоняла и мужскую. Вследствие этого все сознательно эротическое было ей совершенно чуждо, она даже объясняла, что вообще не может себе представить какой-либо ценности эротического.

Соппротивление женской половой функции у этой пациентки принимало гротескные формы. Она переносила свое нерасположение на все в мире, что хотя бы отдаленно напоминало плодородие, размножение, рождение и т. п. Она ненавидела цветы и зеленые деревья, считала фрукты отвратительными. Много раз совершенным ей ошибочным достижением была легко объяснимая этой установкой «очитка»; каждый раз слово «fruchtbar» [плодородный] она читала как «furchtbar» [ужасный]. Во всей природе только зима в высокогорье могла ей понравиться: там не было ничего, напоминающего о живых существах и продолжении их рода, а только камни, лед и снег. Примечателен был и взгляд пациентки, согласно которому в браке женщина абсолютно второстепенна. Как сильно это воззрение основывалось на комплексе кастрации, вытекает из одного выражения пациентки. Она считала, что *кольцо* — ненавидимый ею символ женских гениталий — не годится как символ брака, в качестве замены она предлагала *звездь*. Чрезмерное подчеркивание мужского здесь легко выводится из зависти маленькой девочки к пенису, во взрослом возрасте эта зависть выступила ярко и неприкрыто.

У немалого количества женщин неспособность примириться с отсутствием мужского органа выражается в невротической *боязни вида ран*. Любая рана заново пробуждает в бессознательном таких женщин представление о «ране», полученной в детстве: то перевешивает отчетливое чувство страха перед видом ран, то этот вид или просто его представление возбуждает «болезненное чувство внизу живота».

Пациентка, о своеобразной сложной форме вагинизма которой я уже сообщал, в начале ее психоанализа, еще когда и речи не было о комплексе кастрации, ассоциативно пришла к тому, что начала говорить о своей боязни ран. Она объяснила, что может смотреть на большие, неровные раны без особенного преодоления. И, напротив, для нее совершенно невыносимо видеть совсем маленький, слегка зияющий порез на коже у себя или других персон, если в основании разреза показывается красноватый цвет мяса. Тогда при сильном страхе она чувствовала интенсивную боль в области гениталий, «словно там что-то отрезают».

Кстати, подобные, сопровождающиеся страхом чувствования обнаруживаются и у *мужчин* с выраженным страхом кастрации.

Некоторым женщинам не нужно даже видеть рану, чтобы вызвать явления описанного вида: у них существует постоянное, связанное с чрезмерными аффектами нерасположение к представлению медицинских операций, даже к ножу. Некоторое время назад со мной произошло следующее. Незнакомая мне женщина, не назвавшая своего имени, спросила меня по телефону, могу ли я предотвратить некую назначенную на следующий день операцию. На мою просьбу объяснить конкретнее, она поделилась, что ее должны оперировать по поводу происходящих из-за миом тяжелых маточных кровотечений. До моего возражения, что помешать необходимой, возможно, спасительной операции не может быть моей задачей, она мало снизила, напротив, с полным аффектов красноречием разъяснила мне, что с давних пор является «врагом всех операций». Она добавила: «Кто однажды побывал на операционном столе, тот на всю жизнь инвалид». Бессмысленность этого преувеличения наполняется смыслом, если вспомнить, что та, предположенная в фантазии операция в раннем детстве делает девочку «инвалидом».

VII

Известная нам и уже упомянутая выше тенденция в области женского комплекса кастрации приводит к смягчениям неприятия, условному допусканию порицаемого и особенно к образованию компромисса между влечением и вытеснением. У некоторых наших пациенток мы встречаемся с выраженными фантазийными образованиями, посвященными возможностям признания мужчины и формулирующими условия, после исполнения которых пациентка была бы готова смириться со своей женственностью. В первую очередь скажу о много раз встречавшемся мне условии, оно гласит: «я могла бы согласиться со своей женственностью, если бы была, бесспорно, самой красивой из всех». У ног самой красивой лежали бы все мужчины, и это могущество было бы не дурным вознаграждением для женского нарциссизма за так мучительно ощущаемый дефект. И ведь действительно, *красивой* женщине легче усмирить свой комплекс кастрации, чем безобразной. Однако следует упомянуть, что не во всех случаях следствием представления о том, что она красивее всех женщин, становится такая уступчивость. Мне известно выражение одной женщины: «Я хотела бы быть красивее всех женщин, чтобы все мужчины увивались за мной, а я бы давала всем

от ворот поворот». Здесь потребность в мести распознаваема в настойчивой отчетливости; это выражение принадлежит женщине с крайне тиранической сущностью, корни которой обнаруживаются в не сублимированном до конца комплексе кастрации.

Все же большее число женщин менее категоричны, склонны к компромиссам и довольствуются относительно безопасными выражениями своей вытесненной враждебности. В этой связи нам понятна одна характерная черта в поведении многих женщин. Будем иметь в виду, что сексуальная активность привязана к мужскому органу, поэтому женщина не в состоянии раздражить либидо мужчины или пойти ему навстречу, обычно же принуждена к *выжидающему поведению*! У большого количества женщин мы обнаруживаем смещение сопротивлений против бытия женщиной на необходимость ожидания. В браке такие женщины последовательно проводят мщение мужу, по любому поводу повседневной жизни заставляя мужа себя *ждать*.

Упомянутому условию («если бы я была самой красивой»), по сути, родственно другое. У некоторых женщин мы обнаруживаем, что готовность к признанию мужской активности и собственной пассивности привязана к представлению, что приходит *самый мужественный* (самый великий, самый значительный) *мужчина* и вожделеет ее. В этой форме нетрудно узнать инфантильную потребность в отце. Пример фантастического оформления этой идеи, предложенный мне в одном из моих психоанализов, я уже приводил ранее.

В психоанализе других пациенток мне удалось проследить развитие подобной фантазии по различным стадиям. Первоначальное вождение гласило: «я хотела бы быть мужчиной». Отказавшись от него, пациентки захотели быть «единственной женщиной» (под этим в первую очередь подразумевается «единственной женщиной *отца*»). Когда и это желание должно было уступить реальности, возникло представление: «я хочу быть *единственной в своем роде женщиной!*»

Намного большее практическое значение имеют определенные образования компромиссов, которые, хорошо известные психоаналитику, тем не менее заслуживают особенного внимания в этой связи. Речь идет о признании мужчины, правильное сказать, о признании его активности и, при определенных ограничениях, служащего ей органа. Сексуальная связь с мужчиной терпится, даже желается, пока избегаются, так скажем, не рассматриваются как экзистентные собственные гениталии. Происходит смещение либидо на другие эрогенные зоны (рот, анус), и с этим отклонением сексуального интереса от гениталий соединяется смягчение чувств неудовольствия, происходящих из комплекса кастрации. Находящиеся теперь в распоряжении отверстия тела не являются специфически женскими органами! Прочие детерминации напрашиваются нам в анализе каждого случая такого рода; следует упомянуть только возможность активной кастрации откусыванием с использованием рта. Таким образом, оральные и анальные перверсии у женщин значительной частью объясняются комплексом кастрации.

У наших пациенток мы намного чаще, чем с перверсиями, имеем дело с их негативной противоположностью, т. е. с симптомами конверсии, разыгрывающимися на участвующих эрогенных зонах. Примеры такого рода уже были даны выше. Среди прочих я упомянул юную девушку с фобией, что в случае замужества она должна будет причинить своему мужу нечто кошмарное. «Кошмарное» как представление о кастрации проявлялось в откусывании. В этом случае с большой ясностью показывается, как смещение либидо с генитальной зоны на зону рта одновременно удовлетворяет очень различающиеся тенденции. Рот в этих фантазийных образованиях служит как желаемому принятию, так и уничтожению мужского органа. Именно такой опыт предостерегает нас от любого поспешного переоценивания одной единственной детерминации. Насколько высоко оценивался в вышесказанном комплекс кастрации

как движущая сила в возникновении невротических явлений, настолько мало оправдано переоценивание в той форме, в какой предпринимает его Адлер, отображая «мужской протест» абсолютно односторонне как существенное *causa movens*¹ невроза. Проверенный и ежедневно подтверждаемый опыт показывает нам, что именно яркое шумное подчеркивание мужской тенденции у невротиков обоего пола достаточно часто только поверхностно скрывает интенсивное женственно-пассивное вожделение. Поэтому психоанализ часто вспоминает о *сверхдетерминированности* всех психических образований; он должен отклонять как односторонний и фрагментарный любой психологический способ работы, не полностью учитывающий воздействие различных факторов. В настоящей работе я собрал относящийся к комплексу кастрации фактический материал из большого числа психоанализов. На этом месте настоятельно подчеркну, что лишь ради лучшей обозримости я только мимоходом упомянул выражения женственно-пассивных влечений, наблюдаемые у всех моих пациенток.

¹ [*Causa movens* (лат.) — причина действия.]

VIII

Женщины, жизнь представлений и чувств которых в сколь-либо значительной мере испытывает влияние и руководится комплексом кастрации, — неважно, сознательно это или бессознательно, — *пересаживают свой комплекс кастрации на своих детей*. Такая женщина воздействует на психосексуальное развитие своей дочери, либо устными выражениями с раннего времени принижая в глазах дочери женскую сексуальность, либо бессознательно давая почувствовать дочери свое неприятие мужчины. Последний метод, пожалуй, имеет более продолжительное действие, поскольку он, скажем так, подрывает гетеросексуальность подрастающей девочки. С другой стороны, прямой метод принижения может вызвать форменные шоковые воздействия, как например, если мать при вступлении дочери в брак кричит ей слова: «То, что начинается сейчас, отвратительно!»

Особенно те невротичные женщины, либидо которых сместилось с генитальной на анальную зону, выражают свое отвращение перед мужским телом в такой или подобной форме. Не подозревая о последствиях своих поступков, такие женщины оказывают сомнительные воздействия и на своих сыновей. Мать с такого рода неприемлющей установкой *повреждает нарциссизм мальчика*. Ведь

мальчик в раннем возрасте гордится своими гениталиями, старается представить их на обозрение матери и ждет ее восхищенного интереса. Совсем скоро он замечает, что мать демонстративно избегает их вида, даже если не выражает своего нерасположения словами. Особенно часто такие женщины обосновывают для мальчика запрет онанизма отвратительностью такого прикосновения. В то время как прикосновение и даже называние члена тщательно избегается, такие женщины склонны к тому, чтобы ласкать ягодицы ребенка, часто повторяют слово «попа» или заставляют ребенка произносить его и обращают преувеличенный интерес на испражнение. Таким образом, мальчик вынужден изменить ориентацию своего либидо. Либо оно транспонируется с генитальной зоны на анальную зону, либо мальчика тянет к собственному полу, т. е. в первую очередь к отцу, он чувствует себя связанным с ним легко понятной нам общностью и одновременно превращается в женоненавистника, который позднее станет способен сверхостро критиковать слабости женского пола.

Это хроническое воздействие комплекса кастрации матери, как мне кажется, как причина возникновения страха кастрации у мальчика имеет большее значение, чем *время от времени* высказываемые угрозы кастрации. Я мог бы привести множество примеров для такого воззрения из своих психоанализов невротиков мужского пола. Анальная эротика матери — самый первый и самый опасный враг психосексуального развития детей, тем более что в самые ранние годы жизни они намного больше подвержены влиянию матери, чем влиянию отца.

У каждого из нас, практикующих психоаналитиков, пожалуй, иногда напрашивается вопрос, оправдывает ли малое число индивидов, которым отдельный из нас может оказать помощь, большие затраты времени, усилий и терпения. Ответ на этот вопрос содержится в только что приведенном: если мы освобождаем такого индивида от искажений его психосексуальности, от бремени комплекса

кастрации, тем самым мы предотвращаем невроз у его детей, так мы помогаем новому поколению. Наша психоаналитическая деятельность является тихой, малопризнанной, тем сильнее окруженной врагами работой, но ее воздействие не просто на индивида, но и на его потомство кажется нам целью, достойной столь многих усилий.